



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.2.12>

UDC 327

LBC 66.4(0)

Submitted: 22.10.2025

Accepted: 26.01.2026

THE NARRATIVE OF METUS HOSTILIS (“FEELING OF THE ENEMY”) AS THE BASIS OF CONTEMPORARY INTERNATIONAL DEVELOPMENTS IN THE MIDDLE EAST

Denis A. Mirgorod

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Elena F. Parubochaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the features of current international processes in the Middle East region, which are largely associated with the ongoing antagonism of various regional actors. Arab-Israeli contradictions and the confrontation between Iran and the Arab states and Israel are one of the key variables in the analysis of the military-political situation in the Middle East. These collisions are often based on the narrative of metus hostilis (“feeling of the enemy”), which forms the corresponding agenda and is aimed at justifying the policy of a particular state. *Methods and materials.* During the preparation of the article, the authors used a scientific approach that interprets international relations through the emotional component (“geopolitics of emotions”). Also, the methodological basis of the work was the theory of securitization, which considers security as a form of discursive practice. *Analysis.* Currently, the Middle East region is experiencing a phase of escalation in relations between various states of the region, associated with the aggravation of the Palestinian-Israeli conflict and a direct clash between Israel and Iran, in which other countries of the region also took an indirect part. At the same time, before the new round of confrontation, Arab-Israeli and Saudi-Iranian peace initiatives were being implemented, which allowed us to speak with moderate optimism about a potential reduction in tensions in the region. However, the current events in the Middle East have once again actualized the metus hostilis principle in regional international processes. *Results.* The authors conclude that, despite the efforts made to de-escalate tensions in the Middle East, the region remains an arena of ongoing confrontation between various states. As practice has shown, the Arab-Israeli and Iranian narratives, due to their deep roots in many Middle Eastern processes, cannot be eliminated immediately and must undergo a long-term test of their durability and effectiveness. This is especially true in the context of a constantly changing regional agenda and a transforming external environment. The global context and the constant increase in tensions between leading international actors can also contribute to the continued relevance of the emotional component of Middle Eastern geopolitics. As a result, the current reshaping of relations between regional states is an attempt to address the most pressing and long-standing issues based on the narrative of metus hostilis. *Authors’ contribution.* D.A. Mirgorod developed the content of the article and carried out its general scientific editing. E.F. Parubochaya analyzed the features of modern international processes in the Middle East based on the influence of the “enemy feeling” factor.

Key words: Middle East, geopolitics of emotions, narratives, Arab-Israeli normalization, Iran-Saudi accords, metus hostilis.

Citation. Mirgorod D.A., Parubochaya E.F. The Narrative of Metus Hostilis (“Feeling of the Enemy”) as the Basis of Contemporary International Developments in the Middle East. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 2, pp. 142-152. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.2.12>

НАРРАТИВ METUS HOSTILIS («ЧУВСТВО ВРАГА») – ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Денис Александрович Миргород

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Российская Федерация

Елена Федоровна Парубочая

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются особенности текущих международных процессов в регионе Ближнего Востока, которые в значительной степени связаны с продолжающимся антагонизмом различных региональных акторов. Арабо-израильские противоречия, противостояние Ирана с арабскими государствами и Израилем являются одной из ключевых переменных анализа военно-политической обстановки на Ближнем Востоке. В основе указанных коллизий нередко лежит нарратив metus hostilis («чувство врага»), который формирует соответствующую повестку и направлен на обоснование политики того или иного государства. *Методы и материалы.* При подготовке статьи авторами применялся научный подход, трактующий международные отношения через эмоциональную компоненту («геополитика эмоций»). Также методологическую основу работы составила теория секьюритизации, которая рассматривает обеспечение безопасности как форму дискурсивной практики. *Анализ.* В настоящее время Ближний Восток переживает фазу эскалации в отношениях между различными государствами, связанную с обострением палестино-израильского конфликта и прямым столкновением между Израилем и Ираном, в котором опосредованное участие принимали и другие страны региона. Вместе с тем до нового витка противостояния реализовывались арабо-израильские и саудовско-иранские мирные инициативы, которые позволяли с умеренным оптимизмом говорить о потенциальном снижении напряженности в регионе. Однако текущие события на Ближнем Востоке вновь актуализировали принцип metus hostilis в региональных международных процессах. *Результаты.* Авторами делается вывод, что, несмотря на предпринятые усилия по деэскалации напряженности на Ближнем Востоке, регион остается ареной сохраняющегося противоборства различных государств. Арабо-израильский и иранский нарративы, как показала практика, в силу своей прочной связи со многими ближневосточными процессами сохраняют свою актуальность и должны пройти длительный этап проверки на долговечность и дееспособность. Это особенно актуально в условиях постоянно меняющейся региональной повестки дня и трансформирующейся внешней обстановки. Глобальный контекст и постоянное обострение напряженности между ведущими международными игроками также могут способствовать сохранению актуальности эмоциональной составляющей ближневосточной геополитики. В результате нынешняя перестройка отношений между государствами региона представляет собой попытку решения наиболее острых и давних проблем, основанную на нарративе metus hostilis. *Вклад авторов.* Д.А. Миргород разработал структуру статьи и осуществил ее общую научную редакцию. Е.Ф. Парубочая проанализировала особенности современных международных процессов на Ближнем Востоке на основе влияния фактора «чувства врага».

Ключевые слова: Ближний Восток, геополитика эмоций, нарративы, арабо-израильская нормализация, ирано-саудовские соглашения, metus hostilis.

Цитирование. Миргород Д. А., Парубочая Е. Ф. Нарратив metus hostilis («чувство врага») – основа современных международных процессов Ближнего Востока // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, №2. – С. 142–152. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.2.12>

Введение. Анализ специфики развития Ближнего Востока позволяет говорить о том, что межгосударственные отношения в регионе во многом связаны с эмоциональной компонентой. Совокупность растянутых во времени

территориальных споров, межнациональных и межконфессиональных противоречий, своего рода наследственность цивилизационного противостояния за реализацию византийского – арабского – османского – европейского

(колонизаторского) – советского и иных миропроектов, борьба за региональное лидерство, вовлеченность в ближневосточные процессы значительного количества внешних участников породили сложную систему взаимоотношений между государствами региона, которая зачастую основывается на апеллировании к базовым коллективным «чувствам и эмоциям» при обосновании той или иной страной своей внешнеполитической стратегии. Так, «страх перед врагами (*metus hostilis*)» как на внутри-, так и внешнерегиональном уровнях во многом характеризует современную геополитику Ближнего Востока. Отметим, что «эмоция страха», как геополитическая категория, где страх употребляется в широком значении, а не только как «страх перед врагами», является воспринимаемой переменной угроз [34, р. 146], что позволяет нам использовать конструктивистский аппарат для описания сюжетов, относящихся, как считается, к традиционно реалистической парадигме международных отношений.

Новейшая история региона тесно связана с использованием указанного внешнеполитического мотива, ставшего одной из доминант ближневосточного геополитического конструкта. Текущий этап развития системы международных отношений на Ближнем Востоке позволяет говорить о том, что она так или иначе связана с постоянным поиском объединяющего врага, который консолидирует определенные региональные силы. Следует также добавить, что *metus hostilis* имеет и внешнюю проекцию, когда ближневосточные государства на основе «эмоций» выстраивают свои отношения с крупными внерегиональными игроками, которые, в свою очередь, также активно используют подобную аргументацию при реализации своей ближневосточной политики. Таким образом, целью настоящей статьи является выявление того как нарратив *metus hostilis* формируется и воспроизводится ключевыми акторами Ближнего Востока, а также детерминации его влияния на динамику современных международных процессов региона (эскалации и деэскалации конфликтов, построение союзов, легитимацию внешнеполитических решений и трансформацию регионального порядка).

Методы и материалы. Эмоциональная компонента, по мнению значительного количе-

ства авторов, является постоянным спутником международных отношений, формирование которых сопровождается регулярным поиском государствами необходимой аргументации при принятии внешнеполитических решений [13, р. 31–33]. Подобное обоснование требуется как для консолидации общества внутри страны, так и для трансляции мотивов во внешнюю среду. Научные направления современной теории международных отношений, связанные с вопросом эмоций, как правило, оперируют чувствами страха, унижения и надежды, которые нередко могут объяснять внешнеполитическую культуру различных государств [25]. В этом контексте одной из наиболее распространенных политических практик в истории является фиксация на наличии постоянной внешней угрозы, зачастую персонализированной в виде определенной страны (например, «империя зла»).

Фокусирование на конкретных угрозах, имеющих страновую принадлежность, соотносится в том числе с теорией секьюритизации, которая рассматривает обеспечение безопасности как форму дискурсивной практики [10]. Другими словами, практика секьюритизации предполагает выделение наиболее релевантных угроз безопасности на принципах политической воли и выбора конкретных акторов, отвечающих за процесс выработки и принятия политических решений. Для успешной секьюритизации определенной проблемы политический актор должен установить прочную связь с целевой аудиторией (внутреннее и международное сообщество), без которой реализация политики государства в области безопасности может оказаться провальной [2, р. 22]. Именно поэтому в международных отношениях нередко можно столкнуться с эксплуатацией коллективных комплексов, эмоций, включая «страх», которые быстрее находят отклик у «обывателя» и позволяют оперативнее воплощать в жизнь различные стратегические цели.

Определяющее значение в этом смысле, полагаем, обретает практический инструментарий, используемый для конкретизации предпринимаемых государством шагов на международной арене. В качестве такового могут выступать нарративы, которые получили широкое распространение в политической риторике и теории международных отношений.

В самом общем виде они представляют собой набор идеологических, информационных, коммуникационных и иных сопутствующих инструментов, которые политические акторы используют для продвижения своих интересов, ценностей и стремлений к определенному международному порядку, управляя ожиданиями целевой аудитории и изменяя дискурсивную среду [23].

Объединяющим различные эмоционально окрашенные подходы к международным практикам, полагаем, можно считать нарратив «страха перед врагами (metus hostilis)», который хорошо известен еще по историографии Римской Империи [17, р. 123] и который сохраняет свою актуальность и в настоящее время. В этой связи характеристика геополитических реалий современных международных отношений, включая их региональную составляющую, может основываться и на анализе различных эмоциональных аспектов внешней политики. Особенно актуален анализ нарратива metus hostilis для наиболее конфликтных регионов мира, подразумевающих наличие значительного количества обоюдных претензий между их государствами (например, Ближний Восток). Наряду с этим требуется указать на то, что само понятие «страх» в силу его абстрактного характера трудно внедрять в исследовательский аппарат для выявления осязаемых изменений в параметрах различных подсистем международных отношений. Однако выделение эмоционального компонента способно усилить комплексность анализа различных региональных процессов.

Анализ. В современном мире сложно представить себе регион, более изобилующий внутренними противоречиями и внешними претензиями, чем Ближний Восток. Особенности отношений государств региона зачастую строятся на основании конфликта нарративов, которые сформировались под влиянием суммы специфических религиозных, этнокультурных, исторических, логистических, ресурсных и иных факторов. Новейшая история международных отношений региона, которую, полагаем, целесообразно отсчитывать с момента обретения ближневосточными государствами независимости после распада колониальной системы, отличается частым обращением к эмоциям при выработке и принятии внешнепо-

литических решений [33]. При этом нарратив «страха перед врагами» на протяжении десятилетий оставался базовой чертой регионального политического развития.

Так, вплоть до краха популярного в постколониальных обществах региона проекта арабского национализма (панарабизма) в середине 1970-х гг., который должен был консолидировать и в перспективе интегрировать арабские государства Ближнего Востока и Северной Африки, главной движущей силой региональных международных отношений было арабское сплочение вокруг «сионистской угрозы» [27, р. 19–20]. Военные успехи Израиля, а также параллельные изменения в военно-политической и экономической иерархии арабских стран региона несколько смягчили остроту арабо-израильских противоречий, но полностью не смогли вывести эту переменную за скобки геополитического уравнения Ближнего Востока. Об этом, в частности, свидетельствуют опросы общественного мнения, проводимые в арабских государствах, в части из которых Израиль занимает первую строчку в списке стран, представляющих наибольшую угрозу региону и являющихся враждебными к арабскому миру [40]. Согласно «Индексу арабского мнения – 2025», политика Израиля рассматривается как угроза безопасности и стабильности региона [7]. Соответственно, арабо-израильский конфликт, основанный в том числе на чувстве «страха перед врагами», в значительной степени стал одной из констант, непременно учитываемых при анализе динамики региональных международных отношений [28].

Чувство враждебности на Ближнем Востоке традиционно имеет и религиозный подтекст. Суннитско-шиитское противостояние нашло свое воплощение не только во внутригосударственных кризисах (Ирак, Сирия, Бахрейн), но и в межгосударственных коллизиях. Отчетливая поляризация мусульманского мира в регионе прослеживается в формировании политико-географического проекта «шиитской оси» («шиитская дуга», «шиитский полумесяц»), который в настоящее время переживает кризисное состояние из-за смены власти в Сирии и ликвидации бывшего руководства Хезболлы в Ливане. Вместе с тем активные действия хуситов в Йемене позволяют говорить

о сохраняющейся актуальности данного проекта. По мнению многих экспертов, данный шаг стал реакцией Ирана на израильскую угрозу и на активный рост новых «суннитских» региональных держав [5]. Среди них можно выделить Саудовскую Аравию, которая смогла подкрепить свой естественный статус духовного центра политическими амбициями, связанными с приращением экономической и военной мощи. Зачастую именно обращение к конфессиональному аспекту – например, поддержка различными государствами радикальных религиозных группировок – становится причиной закрепления эмоциональных нарративов, в том числе *metus hostilis*, в геополитике Ближнего Востока. К этому следует добавить, что в регионе действует существенное количество международных террористических организаций, которые, хоть и являются акторами вне суверенитета, в значительной степени влияют на динамику международных отношений на Ближнем Востоке. При этом их функционирование напрямую связано с нарративом борьбы против «врагов» («неверных») [35, с. 212].

Арабо-израильский фактор и конфессиональный аспект в контексте эмоционального компонента формирования / трансформации региональной системы международных отношений могут иметь различный масштаб, что отражается как на связях между определенными государствами, так и на создании противоборствующих союзов и коалиций. Вместе с тем многие ближневосточные государства обладают длительной историей исключительно двусторонних отношений, основанных на эмоциях, в том числе «страха перед врагом». Например, Турция предпочла сотрудничать с Тегераном из-за недоверия Анкары к своим западным партнерам после попытки государственного переворота в стране в 2016 г. и поддержки США курдских вооруженных группировок в Сирии. В частности, произошло укрепление сотрудничества по линии взаимодействия в различных международных форматах в сфере урегулирования региональных кризисов (Астанинский процесс), дополнительно Анкара добивалась координации с Тегераном в вопросе противодействия РПК [12]. В то же время ситуация в Сирии ухудшает турецко-иранский диалог, что связывается и с постоянно меняющимся

эмоциональным фоном («страх», «гнев», «сострадание» и т. д.) при выработке и принятии внешнеполитических решений [20]. Здесь же можно упомянуть историю противостояний Ирака и Ирана (1980–1988 гг.), Турции и Сирии (с 2012–2024 гг.), Израиля и Ливана (2006 г.) и т. д. Каждый из указанных конфликтов в той или иной степени сопровождался использованием эмоциональных нарративов, необходимых для формирования каждой из противоборствующих сторон соответствующей дискурсивной среды.

Наконец, среди государств Ближнего Востока широко распространена практика мобилизации своих обществ против внешних участников регионального политического процесса. Так, в различные временные отрезки огромный массив публичных заявлений ближневосточных лидеров, а также научной литературы был связан с антизападными нарративами. До сих пор на Ближнем Востоке популярны обвинения в сторону США и коллективного Запада в том, что они развязали войну против ислама и арабского населения, а также прослеживается постоянное апеллирование к колониальному прошлому [37]. В этом отношении можно отметить и попытки представить Россию врагом всего мусульманского мира. Так, в 2012 г. известный исламский проповедник, многолетний духовный лидер фундаменталистской организации «Братья-мусульмане» в эфире программы на государственном катарском телеканале заявил, что «Москва стала врагом ислама и мусульман. Она стала врагом номер один ислама и мусульман из-за своего противостояния сирийскому народу» [26].

Таким образом, даже краткий анализ исторического комплекса взаимоотношений на Ближнем Востоке позволяет говорить о том, что нарратив *metus hostilis* является одним из ключевых факторов регионального развития. В настоящее время мы наблюдаем за очевидным сдвигом вектора геополитики эмоций на Ближнем Востоке, который обоюдно связан как с изменением точек приложения эмоций во внутренних связях, так и с текущими глобальными преобразованиями.

В последние годы на Ближнем Востоке различные политические игроки активно пытались трансформировать региональную

систему международных отношений, меняя прежние эмоциональные нарративы и коллективные социальные комплексы. Главной точкой отсчета этих процессов, полагаем, можно считать подписание при посредничестве США в 2020 г. «Соглашений Авраама», которые подвели черту под длительным переговорным процессом между Израилем и некоторыми арабскими государствами, принявшими решение нормализовать диалог с Иерусалимом [15]. Согласно этому документу ОАЭ и Бахрейн установили с Израилем полноценные дипломатические отношения. Марокко, также присоединившееся к Соглашениям, в настоящее время находится на пути согласования открытия посольств при условии, что Израиль признает контроль Марокко над спорной Западной Сахарой [22]. С привязкой к «Соглашениям Авраама» планируется подписание Израильско-суданского мирного договора, который должен стать первичным шагом на пути к налаживанию всесторонних дипломатических контактов.

Частью экспертного сообщества данное событие характеризуется как эпохальное [8]. Во многом это связано с тем, что отношения Израиля со странами арабского мира постоянно находились под давлением палестинской проблемы, которая лежит в основе арабо-израильского конфликта, долгое время определявшего эмоциональный фон ближневосточных международных процессов. С момента своего возникновения в 1948 г. Израилю удалось установить дипломатические отношения только с двумя арабскими государствами – Египтом и Иорданией в 1979 и 1994 гг. соответственно. Таким образом, «Соглашения Авраама» в контексте нарратива *metus hostilis* на момент их подписания рассматривались как действительно прорывные, поскольку они могли стабилизировать «эмоциональный фон» в регионе за счет постепенного размывания образа арабо-израильского конфликта, объединяющего арабский мир.

Произошедшее фактически стало попыткой полноценного внедрения Израиля в инициированный еще в 2004 г. Вашингтоном масштабный политико-географический и экономический проект «Большого Ближнего Востока». Часть аналитиков рассматривали этот шаг как имплементацию «выдвинутой

еще в 1993 г. тогдашним министром иностранных дел Израиля Шимоном Пересом формулы «нефть Персидского залива + египетская рабочая сила + турецкая вода + арабские капиталы + израильские мозги = так называемый Новый Ближний Восток», при ее адаптации к новым реалиям [4, p. 16].

Вместе с тем стремление снизить «эмоциональную нагрузку» на регион через нормализацию арабо-израильских отношений усилило нарратив *metus hostilis* в отношениях между частью ближневосточных государств с Ираном, который всегда негативно воспринимал американские региональные инициативы [3, p. 17]. Антииранская логика «Соглашений Авраама» заключалась в том, что у основных участников указанного переговорного процесса имелись различные мотивы усилить давление на Тегеран, исходя из собственного видения комплекса региональной безопасности. Например, Израиль мог обрести возможность постепенно разрешить палестинскую проблему без резко негативной объединенной реакции арабского мира и получить как минимум нейтралитет большей части арабских стран региона в случае военной эскалации в отношениях с Ираном. В свою очередь, монархии Аравийского полуострова усиливали возможности по нейтрализации / минимизации «иранской угрозы», исходящей из территории Йемена, где с 2014 г. продолжается гражданская война между частично поддерживаемыми Ираном шиитскими повстанцами (хуситами) и правительственными войсками [9]. США как внерегиональный участник ближневосточных процессов значительно расширяли круг стран, которые усиливали потенциал Вашингтона в сдерживании политических и военно-технологических амбиций Тегерана. Таким образом, арабо-израильские мирные инициативы актуализировала антииранскую повестку среди существенной части стран региона. Более того, аналитики и эксперты заговорили о фактическом оформлении полноценной антииранской коалиции на Ближнем Востоке [36, p. 14]. Все это, очевидно, провоцировало встречную реакцию со стороны ИРИ (например, активизация поддержки хуситов в Йемене).

Однако внешнеполитические шаги марта 2023 г. со стороны Эр-Рияда и Тегерана заставили пересмотреть «эмоциональную

нагрузку» во внешнеполитической стратегии стран современного Ближнего Востока. При посредничестве Китая, в Пекине было объявлено о восстановлении отношений между Саудовской Аравией и Ираном, а также урегулировании многих нерешенных и, более того, казалось, что никогда и нерешаемых, вопросов. Наличие подписанного письменного документа между государствами подтверждает их серьезное намерение начать новую главу в отношениях, основанную на взаимном уважении суверенитета друг друга и невмешательстве во внутренние дела других стран. Первым конкретным результатом соглашения станет обмен послами впервые после закрытия в 2016 г. посольств в Эр-Рияде и Тегеране, а также активация соглашения о сотрудничестве в области безопасности, подписанное между ними в 2001 году [38]. Помимо этого предполагается, что практическое воплощение процесса урегулирования саудовско-иранских отношений будет происходить через разрешение существующих споров двух государств по различным направлениям региональной повестки – Ливан, Ирак, Бахрейн, Сирия, Йемен.

В отношении Йемена стороны на официальном уровне объявили о готовности к диалогу и содействию политическому урегулированию йеменского кризиса путем переговоров со всеми сторонами конфликта [30]. Также на тот момент начались подвижки и к постепенному восстановлению отношений между Эр-Риядом и Дамаском. Об этом также свидетельствуют заявления государственных чиновников различного уровня и некоторые контакты между дипломатами Саудовской Аравии и Сирии [16]. Наконец, Сирия спустя двенадцать лет возобновила членство в Лиге арабских государств [38]. В настоящее время сирийский контекст претерпел значительные изменения из-за падения режима Башара Асада и приходу к власти протурецких сил во главе с Ахмедом аш-Шараа, который воспринимается региональными и глобальными акторами как абсолютно легитимный руководитель Сирии [1].

В случае с Саудовской Аравией и Ираном, полагаем, что одним из главных мотивов перезагрузки их отношений стала так называемая «дилемма безопасности», которая описывает парадокс, когда рост / ослабление без-

опасности одного государства могут вызвать опасения со стороны других государств даже при отсутствии реальной угрозы [11]. В условиях глобальной неопределенности, усталости от постоянной региональной конфронтации, поглощающей значительные ресурсы, Саудовская Аравия и Иран приняли стратегическое решение о нормализации двусторонних отношений [19, р. 112–114]. Данный шаг в контексте рассматриваемого нарратива *metus hostilis* в значительной степени стабилизирует эмоциональный ближневосточный внешнеполитический фон и перекраивает карту взаимоотношений как в регионе, так и за его пределами.

Однако атака ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. и последовавшая за ним военная операция в Секторе Газа, а также начавшийся конфликт между Ираном и Израилем во многом аннулировали все дипломатические усилия, заставили другие страны региона пересмотреть свою позицию в отношении Тегерана и Тель-Авива. Соответственно жизнеспособность указанных выше соглашений выглядит достаточно недолговечной.

В рамках рассматриваемой проблемы геополитики эмоций Ближнего Востока главный вопрос лежит в плоскости долговременности и в целом жизнеспособности договоренностей, подобным «Соглашениям Авраама» и саудовско-иранским дипломатическим инициативам. Особенно в силу обширного массива взаимных «страхов». Они изначально многими оценивались скептически по нескольким причинам [32, р. 7–11]. Во-первых, среди арабских государств отсутствовал консенсус в отношении целесообразности налаживания контактов с Израилем без разрешения палестинского вопроса, который продолжает оставаться одним из основных пунктов региональной повестки, сохраняя инерционность идей панарабизма и обладая религиозным подтекстом. Этим и объясняется реакция арабов. Например, Египет, Марокко и Аравийские монархии поддержали этот план, но с некоторыми оговорками. Алжир, Иордания, Ирак, Сирия и Ливан вошли в число несогласных. Остальные воздержались от оценок [31]. Во-вторых, значительная часть стран региона продолжает критиковать Израиль за отказ от уравнивания военных потенциалов ближневосточных государств, то

есть от односторонней денуклеаризации [24]. В-третьих, много вопросов вызывало посредничество Вашингтона, который, как и Иерусалим, обвинялся в стремлении реализовать свою антииранскую стратегию за счет втягивания в нее более широкого круга региональных акторов.

Сомнения в прочности «Соглашений Авраама» также связываются с усилением ультраправых политиков и их риторикой, что вызывает негативную реакцию со стороны арабских государств. Например, заявления министра финансов Израиля Бецалель Смотрич о том, что «нет такого понятия, как палестинский народ», ожидаемо спровоцировали шквал критики со стороны многих официальных лиц ближневосточных государств [41]. В дополнение к этому перспективам соглашений мешают жесткие действия Израиля в отношении Палестины, которые грозят перерасти в новую «интифад» и затрагивают соседние арабские страны, которые осудили «чрезмерные» действия Иерусалима в отношении мусульман-палестинцев. Наконец, взаимодополняющие друг друга «Соглашения Авраама» и договоренности между Саудовской Аравией и Ираном на практике имеют взаимоисключающий характер, о чем свидетельствует текущая региональная динамика. Таким образом, нарратив «страха перед врагами», в основе которого лежат арабо-израильские противоречия, способен с новой силой вернуться в перечень ключевых факторов, обуславливающих ближневосточную систему международных отношений.

Пекинские соглашения также являются весьма хрупкими. В первую очередь в силу множества точек пересечения интересов Эр-Рияда и Тегерана в регионе (Йемен, Сирия, Ирак, Ливан, Бахрейн) [18]. С этим соотносится и реалистичная оценка соглашения со стороны министра иностранных дел Королевства Фейсала бин Фархана Аль Сауда, который подчеркнул, что данное соглашение не означает разрешения всех споров между двумя странами. В той мере, в какой подробности о соглашении стали известны, оно больше похоже на пакт о ненападении, чем на подробный список решений вопросов и споров, которые необходимо урегулировать двум региональным державам, чтобы действительно снизить напряженность между ними.

Дополнительным фактором, способным подорвать указанные дипломатические успехи, является очевидное сопротивление им США, которые наверняка попытаются сохранить дееспособность своей конструкции региональной безопасности, связанной в первую очередь арабо-израильской осью.

Наряду с этим ключевую роль в долговечности пекинских соглашений будет играть глобальный контекст и будущий расклад сил на международной арене. Часть аналитиков увязывают налаживание диалога между Эр-Риядом и Тегераном с борьбой между ведущими международными акторами за определение контуров нового миропорядка [14]. Именно поэтому указанные мирные инициативы рассматриваются в качестве интенсификации «процесса деамериканизации» и роста политического присутствия Китая на Ближнем Востоке [39]. Параллельно иногда указывается на то, что Пекин продолжил дело Москвы и помог осуществить проект российской концепции обеспечения коллективной безопасности в зоне Персидского залива [21]. Следовательно, успехи России и Китая на глобальном уровне могут гарантировать и фундаментальность саудовско-иранских соглашений.

Вместе с тем нарратив *metus hostilis* в геополитике Ближнего Востока в состоянии усилиться за счет его интернационализации. Размежевание между глобальными центрами силы значительно усиливает идеологический компонент в мировой политике, что, безусловно, отражается на Ближнем Востоке. Данный тезис подтверждается восприятием арабскими обществами специальной военной операции России на Украине. Так, арабский народ в большей степени поддерживает действия Москвы, объясняя это необходимостью противостоять США и коллективному Западу [29]. Во многом это можно соотнести с новой внешнеполитической идеологией России, связанной в том числе с декларацией необходимости бороться с неокOLONIALНЫМИ амбициями западных государств [6].

Наконец, необходимо указать на то, что текущая ситуация не является для региона уникальной, поскольку Ближний Восток даже в новейшей истории уже неоднократно проходил через этапы эскалации / деэскалации как между группами государств, так и отдельными

странами. Однако особенность текущей фазы развития международных отношений в регионе заключается в попытке запараллеливания процесса «разрядки» двух ключевых ближневосточных конфликтообразующих треков (арабо-израильского, иранского), комбинирующих черты конструктивизма («эмоции») и политического реализма (национальные интересы).

Результаты. Подводя итог, следует подчеркнуть, что даже при наличии заметных попыток переосмысления региональной геополитики эмоций в виде «Соглашений Авраама» и саудовско-иранского сближения, с уверенностью говорить об устойчивом снижении фактора *metus hostilis* («чувство врага») в ближневосточных международных отношениях по-прежнему не приходится. Данный нарратив продолжает описывать региональную ситуацию, когда образ внешнего противника становится дисциплинирующим и консолидирующим механизмом для политического сообщества и его элит, упорядочивая внутренние траектории лояльности и детерминируя оппозицию «свой – чужой» в публичном дискурсе. Именно поэтому даже формальная дипломатическая нормализация не гарантирует размывания страха как политического ресурса. Так, логика «Соглашений

Авраама», опиралась схожее восприятие их участниками угроз (в том числе в отношении Ирана), то есть на общий контур опасений, а не на снятие глубинных конфликтных оснований. В результате любые новые всплески насилия и кризисы легитимности быстро возвращают в повестку язык угроз, а перспектива расширения нормализации упирается в риск общественной реакции при отсутствии прогресса по палестинскому треку и безопасности. Схожим образом саудовско-иранские договоренности, безусловно, снизили градус прямой конфронтационности в Персидском заливе, однако не сняли фундаментальные расхождения и накопленные противоречия между двумя центрами силы, а потому не могут рассматриваться как разрешение стратегического соперничества и полный отход от эмоционального наполнения внешней политики. Помимо этого, ни «арабо-израильские мирные инициативы, ни пекинские соглашения не разрешают существенного массива сохраняющихся межгосударственных, межнациональных и межконфессиональных противоречий, которые активно эксплуатируются политиками для формирования необходимой дискурсивной среды, в том числе через апеллирование к чувству «страха перед врагами».

REFERENCES

1. Avatkov V.A., Gavryushina P.A. Turetsko-sirijskie otnosheniya v usloviyakh eskalatsii naprjazhennosti v regione. Perspektivy normalizatsii [Turkish-Syrian Relations amid the Escalating Tensions in the Region. Prospects for Normalization]. *Obozrevatel-Observers*, 2025, no. 2 (409), pp. 28-37. DOI: https://doi.org/10.48137/2074-2975_2025_2_28
2. Gajdaev O.S. Teoriya sekjuritizatsii, ili khorosho zabytoje staroje: k voprosu o teoretiko-filosofskikh istokakh i zarozhdenii teorii [Theory of Securitization, or the Old Forgotten Good: On the Question of Theoretical and Philosophical Origins and the Genesis of the Theory]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], 2021, vol. 21, no. 1, pp. 20-32. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32>
3. Karpovich O.G., Grishanov A.A. Vneshnepoliticheskoe nasledije administratsii Trampa [Foreign Policy Legacy of the Trump Administration]. *Vestnik diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossija i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the World], 2022, no. 2, pp. 6-22.
4. Naumkin V.V. Novye momenty v blizhn vostochnoj politike Sojedinennykh Shtatov Ameriki [New Aspects in the US Middle East Policy]. *Problemy natsionalnoj strategii* [Problems of National Strategy], 2022, no. 5 (74), pp. 14-25. DOI: http://dx.doi.org/10.52311/2079-3359_2022_5_14
5. Suponina E.V. Shiity i sunnity: opasnost bolshoj vojny ot Sirii do Pakistana [Shiites and Sunnis: The Danger of a Big War from Syria to Pakistan]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shiity-i-sunnity-opasnost-bolshoy-voyny-ot-sirii-do-pakistan/?sphrase_id=16867933
6. «Vybor sdelan, Rossiya jego ne predast». O chem govoril Vladimir Putin [“The Choice is Made, Russia Will Not Betray It”. What Vladimir Putin Talked About]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/09/30/15556729.shtml>
7. Ahmed S. Abraham Accords: Strategic Realignment Within Middle East. *CISS Insight Journal*, 2022, vol. 10, no. 1, pp. 28-48. DOI: <https://doi.org/10.1111/mepo.12569>

8. *Arab Opinion Index 2024–25 Press Release*. Doha, Arab Center for Research and Policy Studies, 2025. URL: <https://www.dohainstitute.org/en/Lists/ACRPS-PDFDocumentLibrary/arab-index-2025-press-release-en.pdf>
9. Amiri S., Mirzaei M.M. Iran-Yemen Relations and Its Geopolitical Crisis. *International Relations and Diplomacy*, 2021, vol. 9, no. 9, pp. 382–403. DOI: <https://doi.org/10.17265/2328-2134/2021.09.004>
10. Balzacq T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context. *European Journal of International Relations*, 2005, vol. 11, no. 2, pp. 171–201. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066105052960>
11. Booth K., Wheeler N. *The Security Dilemma. Fear, Cooperation and Trust in World Politics*. Basingstoke, New York, Palgrave Macmillan, 2007. 384 p.
12. Cafiero G. *Turkey Continues Courting Iran for Support in Struggle Against PKK Terrorists*. URL: https://iramcenter.org/en/turkey-continues-courting-iran-for-support-in-struggle-against-pkk-terrorists_en-1362
13. Clément M., Sangar E., eds. *Researching Emotions in International Relations: Methodological Perspectives on the Emotional Turn*. Cham, Springer, 2017. 353 p.
14. Golkar S., Aarabi K. *The Real Motivation Behind Iran's Deal With Saudi Arabia*. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/04/06/iran-saudi-arabia-deal-agreement-china-meeting-beijing/>
15. Guzansky Y., Marshall Z.A. The Abraham Accords: Immediate Significance and Long-Term Implications. *Israel Journal of Foreign Affairs*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 379–389. DOI: <https://doi.org/10.1080/23739770.2020.1831861>
16. Harb I.K. *Lebanon and Syria and the Saudi-Iran Détente*. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/lebanon-and-syria-and-the-saudi-iran-detente/>
17. Jacobs J. Chapter Seven. From Sallust to Silius Italicus: Metus Hostilis and the Fall of Rome in the Punica. *Latin Historiography and Poetry in the Early Empire*. Leiden, Brill, 2010, pp. 123–139. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004177550.i-248.43>
18. Khoury N.A. *Yemen and the Saudi-Iran Rapprochement*. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/yemen-and-the-saudi-iran-rapprochement>
19. Kovacs A.M. Coalitions or Alliances? The Return of the Geopolitics to the Middle East. VI. *Middle East Congress on Politics and Society Proceedings Book*, 2022, pp. 111–126.
20. Kumral M.A. *Exploring Emotions in Turkey-Iran Relations*. Cham, Springer, 2020. 359 p.
21. Kuo M.A. *China-Russia Cooperation in Africa and the Middle East*. URL: <https://thediplomat.com/2023/04/china-russia-cooperation-in-africa-and-the-middle-east/>
22. Report: Morocco Embassy in Israel Dependent on Recognition of Western Sahara. *Middle East Monitor*, 2023, Jan. 5. URL: <https://middleeastmonitor.com/20230105-report-morocco-embassy-in-israel-dependent-on-recognition-of-western-sahara/>
23. Miskimmon A., O'loughlin B., Roselle L. *Forging the World: Strategic Narratives and International Relations*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2017. 320 p.
24. Mjahed H. *The Nuclearization of the Middle East*. URL: <https://policycenter.ma/sites/default/files/2021-01/PB-20-76.pdf>
25. Moïsi D. *The Geopolitics of Emotion: How Cultures of Fear, Humiliation, and Hope are Reshaping the World*. New York, Anchor, 2010. 224 p.
26. Russia: Islam's No. 1 Enemy? Russia's Grand Mufti. *The Muslim Village*, 2012, Nov. 23. URL: <https://muslimvillage.com/2012/11/23/32029/russia-islams-no-1-enemy-russias-grand-mufti/>
27. Owen R. Arab Nationalism, Unity and Solidarity. *The Middle East*, 1983, no. 11, pp. 16–22.
28. Robby H.M.F. Arab Nationalism: Past, Present, and Future. *Journal of Integrative International Relations*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 1–32. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-17282-5_3
29. Salah A. *Why Does Some of the Arab Public Support Putin's War in Ukraine?* URL: <https://carnegieendowment.org/sada/87353>
30. Iran Says Deal with Saudi Arabia Will Help end Yemen's War. *AP News*, 2023, Mar. 10. URL: <https://apnews.com/article/yemen-conflict-iran-saudi-arabia-deal-ceasefire-ca60d5e873f4122f31c9429f7884dfcb>
31. Gause F.G. Arab World Reacts to Abraham Accords. *Global Affairs*, 2020, Sept. 17. URL: <https://globalaffairs.org/commentary-and-analysis/blogs/arab-world-reacts-abraham-accords>
32. Trigano S. The Abraham Accords: Contrasting Reflections. *Ramat Gan, Begin-Sadat Center for Strategic Studies*, 2022. 15 p.
33. van Wyk J.A. *The Age of Anger: Angry States and Emotions in Contemporary International Relations*. University of South Africa, Inaugural Lecture, 22 May. URL: <https://uir.unisa.ac.za/>
34. Walt S.M. Alliance Formation and the Balance of World Power. *The Realism Reader*. S.I., Routledge, 2014, pp. 145–149. DOI: <https://doi.org/10.7591/9780801469992-010>
35. Wibowo P., Hapsari R.D. Trends of Islamic State of Iraq and Syria (ISIS) Acts of Terrorism Targeting the Shia Community. *KnE Social Sciences*, 2022, pp. 198–215. DOI: <https://doi.org/10.18502/kss.v7i4.10524>

36. Yossef A. The Regional Impact of the Abraham Accords. *Modern War Institute*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 1-17.
37. Abu Khalil A. *Al-ḥarb al-gharbīyah ʿidda al-Islām wa-al-Muslimīn: min Shārl Dīghūl ilā dwnāld trāmb* [The Western War Against Islam and Muslims: From Charles de Gaulle to Donald Trump]. URL: <https://www.al-akhbar.com/Opinion/225840>
38. 'Awdah al-'Alāqāt bayna Irān wa-al-Sa'ūdīyah .. Ayy Mustaqbal lil-nashāt al-iqtisādī wa-al-tijārī bayna al-baladayn? [The Restoration of Relations Between Iran and Saudi Arabia. What Is the Future of Economic and Trade Activity Between the Two Countries?]. URL: <https://www.aljazeera.net/ebusiness/2023/3/21/مستقبل العلاقات الاقتصادية والتجارية بين البلدين>
39. Atwan A.B. *Li-mādhā na 'tabir alāttfāq al-Sa'ūdī al-Irānī nuqṭh thwwl tārykhyh fī almintqh?* [Why Is the Issue of the Saudi-Iranian Agreement a Turning Point in Its History in the Region?]. URL: <https://www.kawalees.net/?p=173564>
40. *Min huwa al-'adūw al-'Arabī raqm 1?* [Who Is Arab Enemy No. 1?]. URL: <https://yemen-press.net/news69856.html>
41. *Smwtrytsh: "lā yūjadu Shay' ismuhu sha'b Filastīnī Hādhihi hiya al-ḥaqīqah .."?* [Smotrich: "There Is No Such Thing as a Palestinian People. This Is the Truth.."?]. URL: <https://www.baladna.ps/news/13131.html>

Information About the Authors

Denis A. Mirgorod, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultures, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russian Federation, mirgorod@pgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0814-918X>

Elena F. Parubochaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Director of the Center of Public Diplomacy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, parubochaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-6595>

Информация об авторах

Денис Александрович Миргород, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных языков и культур, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Российская Федерация, mirgorod@pgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0814-918X>

Елена Федоровна Парубочая, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, директор Центра общественной дипломатии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, parubochaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-6595>